

Метафора как способ описания действительности. Политическая метафора

Метафора – универсальное явление. Она присуща всем языкам во все эпохи. В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность. Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым.

Метафора – неисчерпаемый источник саморазвития языка. Основное назначение метафоры – высказать другому нечто новое, личностное. На стадии формирования любая метафора представляет собой образ, так как образным является принцип ее формирования и выражения.

В основе создания метафоры лежит **принцип сравнения**. Но не всякое сравнение превращается в метафору. В любой метафоре явно просвечивает аналогия, то есть результат сравнения по сходству принципиально несходных объектов.

Метафора – это вербализованная аналогия.

Основной характеристикой метафоры является объединение гетерогенных явлений. Аристотель писал, что *метафору надо заимствовать из областей сходных, но не явно сходных*.

По мнению Цицерона, *«метафора вынуждает недостающее слово брать из другой области, что происходит либо потому, что характерной чертой человеческого ума является склонность перескакивать через то, что расположено у самых ног, либо потому, что слушатель мысленно уносится при этом в другую область, не теряя, однако, основного пути, что служит источником величайшего удовольствия»*.

Для создания метафоры необходим особый поэтический дар. В.Ф. Одоевский писал: *«Мы говорим не словами, но чем-то, что находится вне слов и для чего слова служат только загадками, которые иногда, но отнюдь не постоянно, наводят нас на мысль, заставляют нас догадываться, пробуждают в нас нашу мысль, но отнюдь не выражают ее»*¹.

Разные языки независимо друг от друга прибегают к одинаковым метафорическим переносам: *ветер – легкомыслие*.

Наиболее распространена **экспрессивно-оценочная (образная) метафора**. Она дополняет характеристику свойств личности и поступков и необходима не столько для вербализации действительности, сколько для прагматических целей.

Метафоры типа *животное – человек* несут четкие и постоянные оценочные коннотации. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл. Сами названия животных оценки не содержат, но соответствующие смыслы, применительно к человеку, почти всегда приобретают оценку: *он трусливый заяц, они неуклюжие медведи*.

Оценочные коннотации часто сочетаются с аффективностью (эмоциональным отношением субъекта оценки к ее объекту). Если речь идет о человеке, метафора становится субъективно окрашенной. Особенно это очевидно, когда денотат метафоры включается в целостную картину мира.

Образная метафора несовместима с **деловой речью**, в которой метафорические обороты встречаются редко (*поток информации, заморозить фонды*).

Метафора служит также одним из наиболее распространенных способов пополнения лексического и фразеологического инвентаря языка: *полоса препятствий, хребет горы, излуцина реки*. Это **номинативная функция метафоры**.

Помимо номинативной и экспрессивно-оценочной (образной), метафора может выполнять и **концептуальную функцию**. Наиболее ярко эта функция выступает тогда, когда метафора используется для обозначения непредметных сущностей в научной, общественно-политической и обиходно-бытовой сферах: *круг понятий, зерно истины, поле деятельности, узел противоречий, камень преткновения, время раздумий*.

Концептуальные метафоры имеют преимущественно бинарное построение: *русло жизни, рамки общения*.

В сфере непредметных сущностей, с которыми связаны концептуальные метафоры, можно выделить антропоцентрическую (*замораживание цен, гонка вооружений*) и научную (*семантическое поле, поток сознания*) сферы. Любая метафора на стадии формирования представляет собой образ, так как образным является принцип ее формирования и выражения.

Семантическая классификация метафор

- **Медицинские метафоры:** *раковая опухоль преступности, хроническая безработица, здоровая конкуренция, симптомы кризиса, сидеть на нефтяной игле*.
- **Спортивные метафоры:** *игроки на рынке, избирательная гонка, политическая арена, нефтяная эстафета, финишная прямая*.
- **Финансовые метафоры:** *политический капитал, кредит доверия, ценовой скачок, извлекать политические дивиденды*.
- **Строительные метафоры:** *прорабы перестройки, закладывать фундамент общего европейского дома, сколачивать состояние, работать под крышей*.

¹ В.Ф. Одоевский Сочинения в двух томах. – Т.1, - М., 1981, с. 185-186.

- **Театральные метафоры:** *марионеточный режим, югославский сценарий политического шоу, закулисные игры, политический дебют / дуэт / трио.*
- **Метеорологические метафоры:** *дружеская атмосфера, политический климат, заморозить цены, потопить финансовую систему.*
- **Технические метафоры:** *механизм урегулирования, перезагрузка отношений, финансовый выброс, спустить на тормозах.*
- **Военные метафоры:** *штурм высот науки, боевой авангард рабочего класса, идеологический фронт, армия безработных, арсенал средств, завоевание рынка.*

Метафора может выполнять различные **функции**, среди которых выделяются следующие: репрезентативная; информационная; орнаментальная; предсказательная; объяснительная; сберегающая (экономия речевых усилий); образно-наглядная.

Научная метафора

Существует точка зрения, что наличие метафор противоречит нормам научного языка, однако феномен метафоризации научного языка объективно существует.

Сущность научной метафоры связана с проблемой вербализации нового знания. Н. Бор считал, что *язык – это в известной степени сеть, натянутая между людьми, и мы висим в этой сети со своим мышлением и способностью к познанию.*

Новое знание не во всех случаях можно сразу и точно вербализовать, поэтому становится возможной стадия метафорической интерпретации.

Необходимость метафоры в языке науки вызвана тем фактом, что круг предположений всегда шире, чем инвентарь имеющихся языковых средств. Первоначально метафора в научной терминологии выдвигается одним ученым, являясь частью его индивидуального языка. Затем в процессе верификации научным обществом она превращается в выверенную гипотезу. Удобство метафоры-термина заключается в ее гибкости. Метафора-термин может уточняться.

М. Блэк писал: *«Возможно, любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; возможно также, что без метафоры наука никогда не достигла бы алгебры»*². Эта мысль созвучна мнению Н. Бора, который много размышлял о соотношении искусства и науки: *«Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способах напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа»*³.

Метафора существует в языке любой науки, даже такой фундаментальной, как квантовая физика: *порция света, волновой пакет, пилотируемая волна.* В научных текстах уже можно выделить стершиеся (мертвые) метафоры: *сила, поле, масса.*

В научном и поэтическом языке некоторые функции метафоры доминируют при сохранении других. Мнение, что метафоризация языка познания противоречит нормам научной традиции, провоцирует пренебрежительное отношение к познавательному содержанию метафоры. К метафоре ученых подводит внутренняя логика развития знания. Метафоротворчество составляет неотъемлемую часть научного творчества.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему метафору называют неисчерпаемым источником саморазвития языка?
2. С какой целью используются экспрессивно-оценочные метафоры?
3. Какую роль играет метафора в научном стиле речи?
4. Как человек воспринимает метафору?
5. Какими функциями обладает метафора?

Политическая метафора

Истоки современной политической лингвистики можно найти в античной риторике: в Древней Греции и Риме активно занимались проблемами политического красноречия, однако эта традиция прервалась на многие столетия, когда на смену античным демократическим республикам пришли феодальные монархии.

Изучение политической коммуникации приобретает особую актуальность в демократических обществах. **Политическая лингвистика** как наука сформировалась в 20–50-х гг. XX в. Точкой отсчета стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и обусловила кардинальное

² M. Black, More about metaphor-Dialectica, 1977, Vol.31, p. 242.

³ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1938.

изменение миропонимания. Внимание исследователей сосредоточилось на изучении способов формирования общественного мнения и эффективности военной пропаганды.

В 1948 г. английский писатель Джордж Оруэлл создал роман-антиутопию «1984», в котором был описан принцип двоемыслия (*doublethink*) и представлен словарь «новояза» (*newspeak*). На конкретных примерах он продемонстрировал способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания власти в тоталитарном государстве. Оруэлл показал, как можно заставить человека верить лжи с помощью оксюморонных лозунгов: *Свобода – это рабство. Война – это мир. Незнание – это сила*. Его последователем в исследовании тоталитарного языка был Виктор Клемперер.

В 60–80-е гг. XX в. политическая лингвистика сосредоточилась на изучении коммуникативных техник, которые позволяют манипулятору создать необходимую картину мира. Например, опытный политик, не призывая к сокращению социальных программ для бедных, будет говорить о «снижении налогов», о необходимости ликвидации пропасти между богатыми и бедными, что в действительности означает призыв к повышению прямых и косвенных налогов, которые платят все.

Современный период в развитии политической лингвистики отражает процессы глобализации. Если на первом этапе своего развития (20–50-е гг. XX в.) политическая лингвистика изучала преимущественно тоталитарный дискурс, а на втором (60–80-е гг. XX в.) – демократический, то сейчас внимание сосредоточено на дискурсе терроризма, политкорректности и социальной толерантности.

Язык – мощное средство управления или манипулирования обществом. Манипуляция – это вид психологического воздействия, направленного на побуждение адресата к совершению определенных адресантом действий посредством искусного внедрения в его психику целей, желаний, намерений и установок, не совпадающих с теми, которые объект воздействия мог бы сформировать самостоятельно.

Отличительной чертой манипуляции является отношение к партнеру не как к личности, а как к объекту, посредством которого манипулятор достигает необходимых целей. Обязательными качествами манипулятора являются обаяние, ловкость и мастерство.

Интерес к **проблеме манипулирования человеком** в настоящее время оживился по причине парадоксальности социально-психологической и политической ситуации в российском обществе, которое отличается чрезвычайно низкой политической культурой. Значительная часть населения осуществляет свой политический выбор не на основе рациональной оценки программ определенных политических движений и их лидеров, а базируясь на своих эмоциях.

Одним из наиболее действенных средств манипулирования сознанием является **метафора**. Метафора – особый тип мышления, который не только формирует представление об объекте, но и предопределяет стиль размышления о нем. В этом отражается когнитивный аспект функционирования метафоры.

Одной из важнейших функций метафоры является моделирование действительности, потому что, метафора, являясь тропом, выступает как способ мышления и движения к неизвестному. Креативные свойства метафоры и ее когнитивный потенциал обеспечивают возможность использования метафоры в качестве средства манипулятивного воздействия: *политическое самоубийство* (О. Морозов), *чума современного мира* (Г. Зюганов).

Учение о метафоре долгое время находилось на периферии лингвистики, но теперь это едва ли не ведущее направление когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль СМИ, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу, яркой приметой которого в последнее десятилетие стала все усиливающая метафоричность.

Еще недавно **метафора** рассматривалась как одно из многих средств украшения ораторской речи, а теперь – как ведущий **способ мышления и инструмент аргументации**, обладающий сильным прагматическим эффектом.

В 40-е гг. XX в. Дж. Оруэлл написал статью «Politics and the English Language», которая представляла собой первый опыт политической лингвистики. Он обратил внимание на то, что такие слова, как *democracy*, *freedom*, *justice*, не имеют определенных значений и назвал их *meaningless words*. Попытки дать этим словам определения встречают у политиков резкое сопротивление. Оруэлл утверждает, что подобные слова (*meaningless words*) умышленно используются в целях манипуляции общественным сознанием.

Политические метафоры и политические эвфемизмы всегда находятся в центре внимания политической лингвистики, потому что скрытые тактики манипулирования общественным сознанием вуалируются как раз с помощью этих языковых средств.

К примеру, в политической метафорике очень распространен мотив пути-дороги, воссоздающий этапы в достижении целей: *обочина капитализма, путь в никуда, идти своим (чужим) путем, тормоз на пути к чему, валютный коридор*.

Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников. Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немногое», тонко влиять на настроения в обществе. Исследование метафорического арсенала того или иного политического лидера позволяет выявить его подсознательные установки и стремления, лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинное его отношение к той или иной проблеме: *зачистить территорию, мочить в сортире*.

Таким образом, политическая метафора – это инструмент осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на общественное сознание.

Значимым инструментом манипуляций общественным сознанием являются **политические метафоры**.

Для политического дискурса актуален такой метод акцентирования метафор, как **метафорический заголовок**, использование которого подчиняется некоторым политическим приемам, в числе которых можно отметить *эффект обманутого ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект оправданного ожидания*.

Семантические разряды политических метафор: антропоморфная метафора (*человек, части его тела*); природоморфная метафора (*погода, климат, недра, вода*); социоморфная метафора (*спорт, театр*); артефактная метафора (*транспортные средства, музыкальные инструменты, радио-, теле-, фотоаппаратура*).

В политической метафорике Востока и Запада существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизованном пространстве Востока остается много места для метафорического своеобразия. Примеры специфики восточного метафорического осмысления политических явлений содержатся в монографии Б. Льюиса «Язык Ислама» (1988).

Так, если на Западе *глава государства* часто сравнивается с *капитаном* или *рулевым корабля*, то в исламе метафоры лидерства связаны с *искусством верховой езды*, а власть правителя никогда не ассоциируется с солнцем. Напротив, он – *тень Бога на Земле* и закрывает своих подданных от испепеляющих лучей солнца (ср. на Западе: *Людовик XVI – Король-Солнце*, в России: *Владимир Красное Солнышко*).

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения представлены чаще не в «вертикальных» понятиях, а в «горизонтальных», потому что в исламском обществе власть и статус в большей степени зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока скорее предпочитают дистанцироваться от критически настроенных людей из своего окружения, нежели понижать их в ранге, или отправляют их в ссылку.

Если рассматривать политическую метафорику в исторической перспективе, можно заметить, что эта система обладает двумя взаимодополняющими свойствами: **архетипичностью** и **вариативностью**.

Архетипичность проявляется в том, что система политической метафорики имеет устойчивое ядро, которое не меняется во времени и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков.

Политические метафоры отражают определенные детерминанты человеческого сознания. К примеру, метафора болезней на протяжении долгого времени используется в различных обществах для представления *чужого*, угрожающего здоровью общества организма: *язва на теле, нарыв, паралич, раковая опухоль*. Анатомо-физиологическая общность людей до некоторой степени предопределила закономерности мышления и стала важным основанием для метафорического универсализма. К примеру, в эпоху королевы Елизаветы I и короля Якова I в Англии были очень распространены метафоры болезней, причинами которых считали ведьм, евреев, католиков. Сотни лет спустя подобные метафоры обнаруживаются в политической риторике Адольфа Гитлера. А вот количество метафор воды (речных и океанических), широко распространенных в XIX в., резко уменьшилось в XX в.

В американском политическом дискурсе начала XX в. звучали антииммигрантские мотивы, использовались образы природных стихий, военного вторжения, трудноперерабатываемой пищи. Эти метафоры регулярно фиксируются и в современной политической коммуникации.

Вариативность метафоры проявляется в период политических изменений. Например, метафоричность российского политического дискурса существенно возросла в эпоху перестройки и снизилась в постперестроечный период.

Анализ динамики советской и российской политической метафорики второй половины XX в. показал, что в тоталитарную эпоху доминировали *метафоры войны*, во времена Л.И. Брежнева – *метафоры родства*, в перестройку – *архитектурные метафоры*, эпоху Б.Н. Ельцина отличали *криминальные, театральные, физиологические метафоры*.

Исследователи отмечают, что индикатором недемократического общества служат *пространственные метафоры (горизонталь, вертикаль), метафоры гигантомании и патернализма*.

Смена метафорики особенно заметна в периоды общих политических преобразований, она может предупреждать и даже каузировать их.

Семантический центр современной политической метафорики – *болезнь, смерть, война*. Эти понятия и формируют картину мира, которая навязывается обществу. Политтехнологи и имиджмейкеры явно недооценивают роль вербального поведения своих креатур.

В речи политических деятелей превалируют морбуллярная (медицинская) метафора: *балканская бацилла, рецепт независимости, шокотерапия* – и природоморфная метафора: *врасти во власть, верхушка власти, семена / плоды будущего мятежа, конституционное поле, рассадник преступности, кадровая нива*. Криминальная метафора показывает высокую степень вербальной агрессии в обществе: *отморозки, конкретные пацаны, беспредел, мочить в сортирах, кремлевско-путинская группировка, ельцинский клан, семья, наезды, откаты, разборки, прессовать, мочить, вытирать кровавые сопли, махать перочинным ножиком*. Такие метафоры усиливают атмосферу коммуникативного пессимизма, и так присущую русскому коммуникативному поведению, способствуют формированию депрессивных настроений в обществе, создавая ощущение безысходности.

Развернутая в тексте метафора способна обеспечить прагматический потенциал политического текста, его связность, цельность, **интертекстуальность**, то есть соотнесенность с общим политическим дискурсом, усилить эстетическую значимость.

Как показывают исследования, метафоры в политических текстах обычно представляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим звеном становится некая **метафорическая модель**. Само по себе то или иное метафорическое выражение может быть новым, авторским, но оно всегда соответствует известной метафорической модели, что пробуждает в читателе ментальные ассоциации.

Принципиальной особенностью современного «стилистического вкуса» является **смещение разнородных единиц, неизбирательность, непривередливость** и в конечном итоге безразличие не только к форме выражения, но и к реакции слушающих, презрение к собеседникам, нежелание «поберечь уши окружающих». Собеседники впадают в состояние коммуникативного стресса, которое побуждает к поиску средств для приобретения лингвистического иммунитета или путей к самоизоляции.

Наиболее последовательно в периодической печати решается задача привлечения внимания к речевому сообщению или к его автору, поэтому язык СМИ уподобляется языку раскованной бытовой речи.

Каждая личность имеет свой моральный кодекс, свою систему нравственных ценностей и ориентиров. Это может мешать установлению нормальных взаимоотношений при решении серьезных политических проблем. Речь современных политических деятелей насыщена штампами и криминальным жаргоном.

Современные политические лидеры должны серьезно задуматься о своем языковом облике, вспомнить, что язык и мышление неразрывно связаны и повисить самоконтроль.

Вопросы для самоконтроля

1. Что является объектом изучения политической лингвистики?
2. Какие этапы в развитии политической лингвистики можно выделить? Охарактеризуйте современный этап.
3. Какие изменения произошли в последнее время в понимании роли метафоры в тексте?
4. Какие черты тоталитарного дискурса Вы можете выделить?
5. Какие семантические разряды политических метафор Вам известны? Ответ проиллюстрируйте примерами.
6. Что понимается под архетипичностью и вариативностью политических метафор?
7. Назовите принципиальную особенность современной русской политической метафорики.
8. Какие семантические разряды политических метафор преобладают в современном российском политическом дискурсе и почему?
9. Какие формы и средства используют СМИ в распространении политических метафор?